ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ШАТРОВОГО ЗОДЧЕСТВА: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ

С. В. Заграевский

Российская академия художеств, Москва, Россия
zagraevsky@mail.ru

На основе анализа новых архитектурно-археологических данных и летописной информации системно рассмотрены вопросы происхождения древнерусского шатрового зодчества. Показана низкая вероятность прямого происхождения древнерусского шатрового зодчества от западноевропейской готики, так как для готической архитектуры нехарактерны башнеобразность, шатровое перекрытие и сравнительно малая площадь основного объёма внутреннего пространства храмов. Также показана несостоятельность теорий происхождения древнерусского шатрового зодчества от романской и от восточной архитектуры. В предыдущих исследованиях, посвящённых каменному шатровому зодчеству, автор этой статьи приводил ряд положений, показывавших происхождение этой архитектурной формы от древнерусской деревянной архитектуры. В данном труде они расширены и структурированы. Показано широкое распространение шатра в древнерусской деревянной архитектуре ранее появления первого каменного шатрового храма. Выдвинута гипотеза относительно происхождения не только каменного, но и деревянного шатрового зодчества Древней Руси: деревянный шатёр являлся «упрощённой формой» канонически обусловленного и обязательного в каменном православном церковном зодчестве купола в течение всей истории древнерусской архитектуры, начиная с X века. Продемонстрировав широкое распространение, каноническую и конструктивную обусловленность шатра в деревянной архитектуре ранее начала XVI века, автор доказывает, что первый шатровый каменный храм произошёл не от каких-либо готических, романских, восточных и любых иных зарубежных истоков, а от деревянного шатрового зодчества, и реконструирует конкретные обстоятельства его появления в начале XVI века. В предыдущих исследованиях, посвящённых происхождению древнерусского каменного шатрового зодчества, позиция автора заключалась в том, что оно произошло только от деревянной архитектуры. Но в настоящей статье показано и влияние древнерусских каменных бесстолпных купольных церквей, которые, хотя и в небольшом количестве, но строились на протяжении всей предыдущей истории древнерусской архитектуры. Главным выводом из данной статьи является следующий: древнерусское каменное шатровое зодчество стало органичным продолжением предшествовавшей ему отечественной архитектурной традиции. А эта традиция включала и шатровое деревянное зодчество, и каменные купольные храмы, и широчайший набор связей с мировой архитектурой.

В статье также предложены общие принципы определения архитектурных форм. Определено, что такие вопросы должны решаться только комплексно, так как эти формы могли порождаться и талантом зодчих, и художественным вкусом заказчиков, и прогрессом строительной техники, и изменениями эстетических предпочтений общества, и идеологическими задачами, и заимствованиями из других стран, культур и стилей, и многим другим, вплоть до сугубо утилитарных целей. Определённую роль здесь могли играть и финансовые, и кадровые, и конструктивные, и прочие ограничения, располагавшие к нестандартным решениям.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, шатровое зодчество, деревянное зодчество, готика, Ренессанс, архитектурные формы, строительство.

THE ORIGIN OF OLD RUSSIAN HIPPED ROOF ARCHITECTURE: THE RETURN TO THE PROBLEM

Sergey Zagraevsky

The Russian Academy of Arts, Moscow, Russia
zagraevsky@mail.ru

In 2007, the author of this article published the studies on the origin of Old Russian hipped-roof architecture. Since then the author has received many letters on this theme from colleagues, this issue was widely discussed at scientific conferences and in Internet. In 2012 the author's book "Typological forming and basic classification of Old Russian Church architecture" was published, and some additional considerations about the origin of hipped-roof architecture were issued there. In general, the author's position on this theme did not change, but some problems required clarification and expansion of argumentation. On the basis of analysis of new architectural and archaeological data and chronicle information, the issues of the origin of Old Russian hipped-roof architecture are systematically considered. The low probability of direct origin of Russian hipped-roof architecture from Western European Gothic is shown, since tower-like, hipped-ceiling and relatively small area of the main volume of temples are not typical for Gothic architecture. The inconsistency of theories of the origin of Old Russian hipped-roof architecture from the Romanesque and Eastern architecture are also shown. In previous studies on stone hipped-roof architecture, the author of this article cited a number of provisions showing its origin from Old Russian wooden architecture. In this work they are expanded and structured. The wide spread of the hipped-roof churches in Old Russian wooden architecture before the first stone hipped-roof temple is shown. The hypothesis about the origin of not only stone, but also wooden hipped-roof architecture of Old Russia is put forward: the wooden

hipped-roof was a “simplified form” of the dome, which was canonically conditioned and obligatory in the stone Orthodox Church architecture during the whole history of the Old Russian architecture, since the 10th century. Having shown the widespread, canonical and constructive conditionality of hipped-roofs in wooden architecture earlier than the beginning of the 16th century, the author proves that the first hipped-roof stone church came from wooden hipped-roof architecture, not from any Gothic, Romanesque, Eastern and any other foreign sources, and reconstructs the specific circumstances of its appearance in the early 16th century. In previous studies on the origin of Russian stone hipped-roof architecture, the author’s position was that it came only from wooden architecture. But in this article the author shows influence of Old Russian pillarless stone dome churches, which, though few in number, were built during the entire previous history of Russian architecture. The main conclusion of this article is the following: Old Russian stone hipped-roof architecture became the organic continuation of the previous national architectural tradition. That tradition included hipped-roof wooden architecture, stone domed churches and the wide range of connections with world architecture. The article also proposes general principles for the determination of the origin of architectural forms. It is shown that such issues should be solved only in comprehensive manner, as these forms could be generated by talent of architects, artistic taste of customers, the progress of construction equipment, changes in aesthetic preferences of society, ideology, influence of other countries, cultures and styles, and many other factors, up to purely utilitarian ones. A certain role here could be played by financial, human and constructive limitations which led to non-standard solutions.

Keywords: Old Russian architecture, hipped-roof architecture, wooden architecture, Gothic, Renaissance, architectural forms, construction.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-2-32-61

В 2000-е годы автор этой статьи опубликовал исследования, посвящённые происхождению древнерусского шатрового зодчества [Заграевский 2005; Заграевский 2007; Заграевский 2008 б]. С тех пор автор получил много писем на эту тему от коллег, этот вопрос широко обсуждался на конференциях. В 2012 году вышло исследование автора «Типологическое формирование и базовая классификация древнерусского церковного зодчества» [Заграевский 2012], в котором предлагались дополнительные соображения по поводу происхождения шатровой архитектуры. Авторская позиция по этому вопросу в целом не изменилась, но некоторые положения требуют уточнения и расширения аргументации.

Прежде всего видится необходимым определить, что вообще можно считать аргументированной точкой зрения на вопросы происхождения той или иной средневековой архитектурной формы. Если не обозначить здесь общие принципы, эти вопросы можно обсуждать бесконечно и, по большому счёту, бесплодно.

Во-первых, если рассматриваемая архитектурная форма подготовлена всей историей становления отечественного зодчества, то её отечественные истоки и аналоги в плане научной обоснованности имеют приоритет над зарубежными. Это связано не с какими-либо современными идеологемами, а с более вероятной ориентацией средневековых зодчих и ктиторов на окружавшую их архитектуру страны, где они работали.

Во-вторых, убедительным аргументом в пользу зарубежного происхождения той или иной отечественной архитектурной формы может быть либо мировой стиль (как, например, готика), либо значительное направление в мировом зодчестве (как, например, крестово-купольная система), либо зарубежный аналог, имеющий общемировое значение и резонанс (как, например, София Константинопольская, Храм Гроба Господня в Иерусалиме, императорский собор в Шпайере и т. п.). Обнаруженные единичные и не имеющие мирового значения зарубежные аналоги, объявленные образцами для отечественных архитектурных форм, рано или поздно опровергаются другими найденными аналогами.

В-третьих, при исследовании вопросов происхождения той или иной архитектурной формы даже в том случае, если известно первое её применение, недостаточно исследовать ход творческой мысли архитектора, так как последнего могла вдохновить любая мелочь, в том числе и вне архитектуры¹. Необходимо ещё учитывать общую историческую обстановку, специфику ктиторского заказа, прогресс строительной техники и большой набор прочих факторов.

В-четвёртых, символические толкования той или иной архитектурной формы в храмовом зодчестве не могут считаться доказательством её происхождения. В истории мировой архитектуры нам не известен ни один факт, когда бы некий богослов решил, что в интересах символики (или любой теологической теории) должна быть реализована та или иная новая архитектурная форма, согласовал свою позицию с ктиторм и предписал зодчему строить именно так, а не иначе. Нам неизвестны подобные факты даже в отношении священнических облачений и литургического инвентаря, а в гораздо

¹ На эту тему уместно вспомнить строки А. А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...».

более затратной и сложной с технической и организационной точки зрения области – зодчестве – такую ситуацию практически невозможно представить. Символические идеи, как и теологические теории, и мировоззренческие основы в целом, могли влиять на формирование традиции лишь опосредованно (условно говоря, ктитория заказывают, зодчие строят, общество оценивает, толкователи толкуют, результаты оценки и толкований воспринимаются и в той или иной степени учитываются следующим поколением ктиторов и зодчих и т. д.).

В-пятых, у использования исследователями символики в качестве обоснования генезиса архитектурных форм храмов есть негативный методологический аспект. Если в Средние века символика и имела какое-либо влияние на возникновение архитектурных форм (что, как мы видели, не доказано), то мы всё равно не знаем, какая именно символика как именно влияла. Никаких документальных свидетельств на эту тему не сохранилось, а любые усилия современных исследователей в поиске символики тех или иных элементов средневековых храмов, как правило, ведут к исключительно субъективным мнениям на уровне «я так вижу», легко опровергаемым не только статистикой и фактами, но и выдвижением других столь же субъективных мнений, выглядящих не менее убедительно.

В-шестых, эстетика ещё более условна, чем символика, и применение эстетических аргументов для обоснования появления новых архитектурных форм столь же неоправданно с методологической точки зрения. В том, что эстетические предпочтения во все времена влияли на архитектурные формы, нет никакого сомнения (в противном случае человечество не строило бы ничего, кроме сугубо утилитарных построек), но судить о средневековых вкусах мы можем лишь опосредованно – через уже совершившиеся факты их натурной реализации. Соответственно, любые усилия современных исследователей в поиске эстетических причин появления тех или иных элементов средневековых храмов, как правило, ведут лишь к констатации, что зодчий и ктитор хотели построить красиво.

Из вышеперечисленных принципов следует, что вопросы происхождения средневековых архитектурных форм должны решаться только комплексно, так как эти формы могли порождаться и талантом зодчих, и художественным вкусом заказчиков, и прогрессом строительной техники, и изменениями эстетических предпочтений общества, и идеологическими задачами, и заимствованиями из других стран, культур и стилей, и многим другим, вплоть до сугубо утилитарных целей. Определённую роль здесь могли играть

и финансовые, и кадровые, и конструктивные, и прочие ограничения, располагавшие к нестандартным решениям.

Теперь мы можем перейти к теме нашей статьи – исследованию вопросов происхождения древнерусского каменного шатрового зодчества (в дальнейшем будем называть его шатровым зодчеством; материал построек будем уточнять лишь в случае деревянного зодчества), которые занимают исследователей уже не первую сотню лет.

Поскольку подробный исторический обзор всех выдвигавшихся точек зрения выходит за рамки настоящего исследования, перечислим лишь основные (в хронологическом порядке их появления):

- шатровое зодчество Древней Руси произошло от поздней западноевропейской готики (Н. М. Карамзин, И. М. Снегирёв, Л. В. Даль, Е. Е. Голубинский, А. И. Некрасов, Г. К. Вагнер) [см.: Ильин и др. 1955, 414; Ильин 1980, 14; Вагнер 1995, 27];
- шатровое зодчество сформировалось на базе древнерусской деревянной архитектуры (И. А. Забелин, Ф. Ф. Горностаев, И. Э. Грабарь, Н. Н. Воронин, П. Н. Максимов, П. А. Раппопорт, автор этой статьи) [см.: Ильин и др. 1955, 414; Максимов, Воронин 1955, 268; Ильин 1980, 15; Раппопорт 1993, 171; Максимов 1968, 84; Заграевский 2007; Заграевский 2008 б];
- шатровое зодчество произошло от древнерусских и сербских храмов с повышенными подпружными арками (Н. И. Брунов) [см.: Ильин 1980, 16];
- шатровое зодчество имеет восточное происхождение (Б. П. Денике, М. Г. Худяков) [Денике 1923; Денике 1927; Худяков 1923];
- шатровое зодчество сформировалось под влиянием архитектуры древнерусских крепостных башен (М. А. Ильин, М. Н. Тихомиров) [см.: Ильин 1980, 16; Вагнер 1995, 27];
- на становление шатрового зодчества повлияли древнерусские столпообразные церкви-колокольни (Г. К. Вагнер) [Ильин 1980, 20; Вагнер 1995, 27];
- древнерусский шатёр явился «случайностью в архитектуре» и просто заменил собой купол, перекрывающий наос (В. В. Кавельмахер)²;

² Кавельмахер В. В. Письмо к Т. П. Тимофеевой (1988). Письмо хранится в музее-заповеднике «Александровская слобода». Приведём полный текст абзаца, посвящённого рассматриваемой тематике: «Что касается шатра, то он – ничто. Случайность в архитектуре. Он только заменяет купол, перекрывающий наос. Из бывших византийских провинций, самая разработанная типологическая сетка, по-моему, у болгар, и язык их нам понятен. Купол опирается не на столбы, а на устои. Вот и всё. Нужно, чтобы не было столбов с барабанами и фонарями, ничего базиликального, и вы получаете “купольную” церковь. Русскому уху это ничего не говорит, ну, а нормальному византологу ничего не говорит наша “бесстолпная” церковь. Нельзя определять предмет по отсутствующему признаку... Этот пример лучше всего показывает, что мы так и застряли на Софиях и просмотрели купольные храмы».

- шатровое зодчество Древней Руси произошло от романской архитектуры (А. Л. Баталов) [Баталов 2009 а; Баталов 2009 б].

Прежде чем рассмотреть вышеперечисленные точки зрения в соответствии с базовыми принципами, обозначенными в начале данной статьи, вспомним, что архитектурно-археологические исследования В. В. Кавельмахера в 1980–90-е годы [Кавельмахер 1995; Кавельмахер 2008] и автора этой статьи в 2000-е годы [Заграевский 2005; Заграевский 2007; Заграевский 2008 б; Заграевский 2014] показали, что шатровая Троицкая (ныне Покровская; в дальнейшем будем без оговорок называть её Троицкой) церковь в Александровской слободе (илл. 1) была построена в 1510-х годах и, соответственно, была первым древнерусским шатровым храмом. Автор также показывал, что архитектором, построившим этот храм, был Алевиз Новый [Заграевский 2008 б, 39–47]. Ранее первым шатровым храмом считалась церковь Вознесения в Коломенском (1529–1532 годы, вероятный архитектор – итальянец Петрок Малый, илл. 2)³.

Илл. 1. Троицкая церковь в Александровской слободе. Реконструкция В. В. Кавельмахера.
Источник: Кавельмахер В. В. Древности Александровой Слободы. Москва, 2008

³ Церковь Вознесения в Коломенском имеет бесспорную летописную дату окончания строительства – 1532 год (ПСРЛ 8:280; ПСРЛ 13:65; ПСРЛ 20:413). Архитектор этой церкви однозначно не установлен. С. С. Подъяпольский, посвятивший этому вопросу специальное исследование, полагал, что им был Петрок Малый (Пётр Фрязин), вероятно, приехавший в Москву в 1528 году. Соответственно, исследователь датировал храм Вознесения 1529–1532 годами [Подъяпольский 1983, 44–46].

Необходимо отметить, что *пересмотр позиции относительно первого древнерусского шатрового храма и его зодчего не может сам по себе существенно повлиять на решение вопроса происхождения шатрового зодчества*: и церковь Троицы 1510-х годов, и церковь Вознесения 1529–1532 годов являются великокняжескими храмами, с высокой степенью вероятности построенными итальянскими зодчими. Оба храма принадлежат эпохе Василия III, ознаменованной расцветом зодчества и поиском новых форм.

Илл. 2. Церковь Вознесения в Коломенском

Мы начнём рассмотрение вероятных истоков древнерусского шатрового зодчества с западноевропейской готики. Вообще говоря, в ходе становления древнерусской архитектуры XII–XV веков в ней постоянно усиливалась «устремлённость вверх», характерная для готики. Общие «высотные» пропорции храмов [см.: Заграевский 2002, 49], появление повышенных подпружных арок, обработка барабанов килевидными кокошниками [см.: Заграевский 2003], возведение над куполами высоких луковичных глав [см.: Заграевский 2008 в], строительство столпообразных церквей «под колоколы» [Кавельмахер, Панова 1995, 66], – все эти явления соответствуют общему впечатлению «стрельчатости», которое производит готика.

Г. К. Вагнер писал, что «если бы развитие “высотной” архитектуры не было прервано монгольским вторжением, то Русь узнала бы нечто родственное готике» [Вагнер 1995, 25].

Но это лишь общее впечатление. При более пристальном сопоставлении мы вынуждены отрицать происхождение древнерусского шатрового зодчества от западноевропейской готики.

Во-первых, для готической архитектуры нехарактерна башнеобразность основного объёма храма. Последняя является отличительным признаком исключительно древнерусского церковного зодчества.

Во-вторых, для западноевропейской готики нехарактерно перекрытие наоса шатром. Средокрестия иногда перекрывались деревянными шатрами (пример – готическая церковь Богоматери в Брюгге, илл. 3), но ни одного каменного шатра ни над наосом, ни над средокрестием в каком-либо мало-мальски значимом храме мы не знаем. В массовом порядке шатровая форма завершения использовалась в готической Европе только для башен.

Илл. 3. Церковь Богоматери в Брюгге

В-третьих, одна из наиболее характерных тенденций готики – увеличение площади внутреннего пространства храмов. Эта тенденция нашла отражение в древнерусской архитектуре: столпы становились всё тоньше и тоньше, всё меньше и меньше храмов имели внутренние лопатки, появились бесстолпные храмы с угловыми пристенными опорами [см.: Заграевский 2003], а затем и с креща-

тым сводом [см.: Заграевский 2008 а]. Успенский собор Аристотеля Фиораванти, к примеру, С. С. Подъяпольский справедливо относил к типу готической «зальной церкви» [Подъяпольский 1985, 42]. Но с шатровым зодчеством ситуация обратная: по сравнению с сомасштабными крестово-купольными церквями, а тем более с европейскими базиликами, площадь наоса шатровых храмов невелика.

В-четвёртых, начало XVI века в Италии прошло под знаком не готики, а Ренессанса. И очень маловероятно, чтобы высококвалифицированный итальянский архитектор того времени, будь то Алевиз Новый или Петрок Малый, мог ориентироваться на готику. Как известно, сам термин «готика» принадлежит итальянцам XV–XVI веков и означает «искусство готов», т. е. «варваров». Отметим, что и в храмах Александровской слободы, и в церкви Вознесения в Коломенском имели место многочисленные ренессансные элементы [см.: Кавельмахер 1995; Кавельмахер 2008; Подъяпольский 1983].

К теории происхождения древнерусского шатрового зодчества от западноевропейской готики примыкают ещё три: от древнерусских и сербских храмов с повышенными подпружными арками, от древнерусских крепостных башен, от древнерусских столпообразных церквей-колоколен. Все эти три теории порождены впечатлением «высотности» и «вертикализма», характерным для готики. Поэтому все те аргументы, которые мы выдвинули против «готической» теории, применимы и здесь. Можно привести и другие соображения.

Во-первых, повышенные подпружные арки и шатровые завершения храмов имеют абсолютно различную конструктивную сущность (арки служат для поддержки купола, а шатёр сам находится на месте купола и, следовательно, поддерживается арками), и проводить между ними прямую параллель неправомерно.

Во-вторых, столпообразные храмы до возведения в 1510-х годах церкви Алексея митрополита в Александровской слободе и собора Петра митрополита в Высоко-Петровском монастыре не имели, в отличие от шатровых церквей, мало-мальски обширных наосов, т. е. с точки зрения их архитектуры были ближе к башням, чем к церковным зданиям (примеры – московские церкви-колокольни Иоанна Лествичника 1329 и 1505–1508 годов, новгородская «часовая» 1443 года, первый Хутынский столп 1445 года).

В-третьих, прямая либо косвенная параллель между крепостными башнями и шатровыми храмами неправомерна. Первые имели исключительно «утилитарный» характер, облик вторых определялся прежде всего духовными запросами и архитектурной мыслью

эпохи. Более того – с «утилитарной» точки зрения шатровые храмы не имели никакого смысла, так как по сравнению с сомасштабными крестовокупольными церквями (а тем более с европейскими базиликами), как мы уже говорили, площадь их наоса невелика, а «колонцеобразность» интерьера порождает множество проблем с акустикой.

Илл. 4. Баптистерий в Пизе. Общий вид, план и разрез.
Источник: www.artandarchitecture.org.uk

Существенную модификацию «готическая» теория происхождения древнерусского шатрового зодчества претерпела в работах А. Л. Баталова [Баталов 2009 а; Баталов 2009 б], вышедших уже после вышеуказанных исследований автора этой статьи, посвящённых первому древнерусскому шатровому храму и происхождению шатрового зодчества⁴. По А. Л. Баталову, истоки древнерусского шатрового зодчества лежат в западноевропейской архитектуре, но не в готической, а в романской. Такая позиция исследователя уже сама по себе может показаться странной, если учесть, что шатровое зодчество появилось в начале XVI века, когда с времён романики минуло уже около трёхсот лет. Однако А. Л. Баталов называет и гипотетические прототипы первых древнерусских шатровых храмов – баптистерий Сан-Джованни в Пизе, в середине XII века перекрытый

⁴ К сожалению, А. Л. Баталов в своих статьях не обнаружил знакомство с нашими исследованиями происхождения шатрового зодчества.

каменным шатром (в XIII веке почти полностью скрытым под куполом, илл. 4), и две сравнительно небольшие пизанские церкви XII века – св. Агаты (илл. 5) и св. Гроба.

Илл. 5. Церковь св. Агаты в Пизе.

Источник: Баталов А. Л. О происхождении шатра в русском каменном зодчестве XVI в. // Древнерусское искусство: Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. Москва, 2009. С. 64

Но наблюдения А. Л. Баталова не могут являться основой для вывода о романском происхождении древнерусского шатрового зодчества. Как мы уже говорили в начале статьи, убедительным аргументом в пользу зарубежного происхождения той или иной отечественной архитектурной формы может быть либо более ранний аналог, имеющий общемировое значение и резонанс, либо целое направление в зарубежном зодчестве, породившее большое количество аналогов. Вышеуказанные пизанские здания не относятся ни к тому, ни к другому.

Конечно, теоретически можно предположить вслед за А. Л. Баталовым [Баталов 2009 а, 64], что итальянский архитектор, построивший первый древнерусский храм, бывал в Пизе и вдохновился там идеей каменного шатра. Но в начале статьи мы писали и о том, что найденные единичные зарубежные аналоги не могут служить

убедительным доказательством, так как рано или поздно опровергаются другими найденными аналогами.

Нашли и мы аналог, ничуть не менее убедительный, чем пизанский баптистерий, перекрытие которого шатром, видимо, по каким-то причинам настолько не устраивало горожан, что уже сто лет спустя этот шатёр был обстроен куполом. И не менее убедительный, чем маленькие пизанские церкви св. Агаты и св. Гроба. Это романская шатровая церковь св. Фаустино в Брешиа (XII век, илл. 6), сверху шатра которой, в отличие от вышеуказанных пизанских зданий, устроен барабан, как в древнерусских храмах, а под шатром в интерьере возведён дополнительный купол, как в церкви Вознесения в Коломенском.

Илл. 6. Церковь св. Фаустино в Брешиа. Фото автора

Есть в Брешиа и большой, можно сказать, знаковый романский храм, перекрытый пологим деревянным шатром, – «Старый» городской собор (Duomo Vecchio, илл. 7). В совокупности эти брешианские шатры могли оказаться не меньшим вдохновляющим фактором для архитектора начала XVI века, чем пизанские.

Илл. 7. «Старый» городской собор (*Dioto Vecchio*) в Брешиа. Фото автора

Автор обнаружил романскую шатровую ротонду и в Германии – церковь св. Магдалины в Хаусбахе, пригороде Фильсхофена-на-Дунае (XII век, илл. 8).

Илл. 8. Церковь св. Магдалины в Хаусбахе

К тому же, в начале этой статьи мы говорили и о том, что недостаточно исследовать ход творческой мысли архитектора, так как последнего могло вдохновить что угодно. Например, не меньшим источником вдохновения, чем романские шатровые здания в Брешиа и (или) Пизе, могли бы стать египетские пирамиды. Или шатровые завершения, характерные для восточной архитектуры (их мы рассмотрим далее). Или шатры, в которых жили библейские патриархи Авраам, Исаак и Иаков⁵. Или любые полотняные шатры, которые ставились воинами и путешественниками. Или деревянные шатровые завершения древнерусских церквей, о которых мы поговорим в дальнейшем, когда будем рассматривать версию происхождения древнерусского каменного шатрового зодчества от деревянного (последний вариант, как мы вскоре увидим, более соответствует общей исторической обстановке и возможной специфике ктиторовского заказа, чем гипотетическое вдохновение, полученное в Пизе, Брешиа или где-либо ещё).

Илл. 9. «Восточный мавзолей» в Бугаре

⁵ По наблюдению М. А. Ильина [Ильин 1980, 36], в дальнейшем шатры патриархов стали символом жилища, т. е. «сени», и это же значение в словах пророка Исаии получил небосвод: «Он (Бог – С. 3.) распростёр небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатёр для жилья» (Ис 40:22). Но если бы шатёр в церковной традиции имел какое-либо самостоятельное символическое (а тем более каноническое) значение, он как феномен каменного храмового зодчества появился бы гораздо раньше начала XVI века. Да и у пророка Исаии «шатёр» является символом любого жилища, абсолютно необязательно имеющего шатровую форму.

Нельзя обойти вниманием ещё одну версию происхождения древнерусского шатрового зодчества – «восточную». Действительно, на Востоке (в Волжской Болгарии, Иране и Средней Азии) перекрывались каменными шатрами и башни (прежде всего минареты), и мавзолеи (например, Восточный мавзолей в Булгаре, XIII век, илл. 9; «Мавзолей дервиша» в Баку, XV век, илл. 10). Можно вспомнить и в целом шатровую форму таких колоссальных храмов, как Вирупакши (VII–XI века, Индия), Прамбанан (X век, Индонезия, илл. 11), Ангкор-Ват (первая половина XII века, Камбоджа, илл. 12).

Илл. 10. «Мавзолей дервиша» в Баку

Но против «восточной» теории мы можем привести практически те же аргументы, что и против «готической».

Во-первых, для восточной архитектуры нехарактерно перекрытие наоса храма шатром.

Во-вторых, весьма маловероятно, чтобы итальянский архитектор того времени, будь то Алевиз Новый или Петрок Малый, мог ориентироваться на восточную архитектуру.

В-третьих, столь же маловероятно, чтобы ктитори – Василий III – заказал зодчему строить «по-восточному». Ради этого вряд ли стоило приглашать итальянцев.

Илл. 11. Прамбанан. Индонезия

Илл. 12. Ангкор-Ват. Камбоджа

В исследованиях, посвящённых каменному шатровому зодчеству [Заграевский 2005; Заграевский 2007; Заграевский 2008 б; Заграевский 2014], автор этой статьи приводил ряд положений, показывавших происхождение этой формы покрытия храма от древнерусской деревянной архитектуры. Здесь имеет смысл их расширить и структурировать.

Прежде всего покажем широкое распространение шатра в древнерусской деревянной архитектуре ранее появления первого каменного шатрового храма. Этому есть ряд доказательств.

Во-первых, Н. Н. Воронин и П. Н. Максимов полагали, что шатровые деревянные церкви представляли собой распространённый тип древнерусского храма, начиная с домонгольского времени [Максимов, Воронин 1955, 264], и приводили ряд аргументов:

- на основе текстологического и иконографического анализа древнерусских документов указанные исследователи показывали, что шатровыми были несохранившиеся деревянные храмы в Вышгороде (1020–1026 годы), Устюге (конец XIII века), Ледском погосте (1456 год) и Вологде (конец XV века) [см.: Максимов, Воронин 1955, 264–268];
- исследователи указывали на изображение XIX века несохранившейся деревянной шатровой Климентовской церкви в селе Уна Архангельской области (илл. 13), постройку которой клировые записи относят к 1501 году [Максимов, Воронин 1955, 271]⁶;
- исследователи приводили примеры изображений деревянных шатровых храмов на иконе начала XIV века из села Кривого (илл. 14) и на полях псковского рукописного «Устава» [Максимов, Воронин 1955, 264–268];
- исследователи ссылались на летописное сообщение о высоких «стоянах» в Москве [ПСРЛ 15:183] и показывали, что речь идёт о деревянных шатровых столпообразных церквях [Максимов, Воронин 1955, 266];
- деревянная шатровая колокольня приведена на изображении Тверского кремля первой половины XV века на иконе Михаила Тверского и княгини Ксении [Воронин, Лазарев 1955, 21] (илл. 15).

⁶ Н. Н. Уткин, исследуя историю храмов Унского погоста, отмечал, что клировые ведомости могли перепутать Климентовскую церковь с другой церковью Унского погоста – Троицкой, большое количество перестроек которой зафиксировано в источниках. Непроста и строительная история самой Климентовской церкви. Но, по словам Н. Н. Уткина, «предположение о возможности переноса храмовой части Троицкой церкви от трапезной и использование её в качестве однопрестольной Климентовской церкви не снимает вопроса о датировке последней 1501 годом». И вывод исследователя таков: дата Климентовской церкви «восходит к 1501 г.» [Уткин 1998].

Илл. 13. Церковь в селе Уна Архангельской области

Илл. 14. Икона из села Кривого

Илл. 15. Изображение Тверского кремля на иконе Михаила Тверского и княгини Ксении

Во-вторых, весьма вероятно, что многие деревянные шатровые храмы XVI–XVII веков являются копиями более древних. Причины этому следующие⁷:

- народное зодчество консервативно, типологии меняются крайне медленно;
- существовала практика заменять сгнившие брёвна в срубе по одному, отчего со временем в древнем памятнике первоначального материала могло оказаться очень мало. Поэтому датировка радиоуглеродным или дендрохронологическим методом относительно достоверна лишь в том случае, если для анализа берут большое количество брёвен. Соответственно, некоторые деревянные памятники из-за недостаточно представительной выборки материала для анализов могли получить позднюю дату;
- плотников часто обязывали строить новую церковь по образцу старой, пришедшей в негодность.

В-третьих, построить из камня купол гораздо проще, чем шатёр, а из дерева гораздо проще построить шатёр, чем купол. Причины этому следующие:

- технология строительства каменных куполов (и по опалубке, и без неё) была прекрасно известна и налажена ещё с времён Древнего Рима [Губер 1966, 655];
- каменный шатёр обладает практически таким же распором, как купол, и добиться равномерности распора при большой высоте

⁷ Мнение А. К. Дежурко. См. форум интернет-сайта www.archi.ru.

шатра (условно говоря, чтобы середина не «просела») – сложнейшая инженерная задача;

- из дерева построить купол очень сложно (требуется либо придавать брёвнам полукруглую форму, либо использовать очень короткие их отрезки);
- при строительстве деревянного шатра несколько (чаще всего восемь) брёвен (рёбер шатра) сводятся в верхней точке и обшиваются досками, и это может сделать практически любой квалифицированный плотник.

В-четвертых, в конце X века в Новгороде был построен дубовый храм Софии с тринадцатью (по некоторым летописям – с двенадцатью)⁸ «верхами», т. е. главами. Маловероятно, что из дуба были возведены купола. Речь здесь, скорее всего, идёт о шатровых завершениях.

В-пятых, замена каменного купола деревянным шатром в целях снижения веса и расхода перекрытия многократно имела место вне Руси. Деревянные шатры в качестве «облегчённого варианта» куполов возводились и в Византии (например, во второй половине V века был построен храм в Алахан-манастире, где центральное пространство каменного храма завершалось пирамидальной деревянной кровлей⁹), и в Западной Европе (мы уже упоминали деревянные шатры над наосом «Старого собора» в Брешиа и средокрестием готической базилики в Брюгге).

В-шестых, деревянный шатёр из кипрских кедров был между 813 и 821 годами построен патриархом Фомой над ротондой Гроба Господня в Иерусалиме [Jeffery 1919]. Возведён этот шатёр был именно как замена каменного купола, которым в трудных условиях строительства в тогдашней Палестине (ранее эпохи Крестовых походов, под властью халифа Аль-Мамуна) было крайне сложно перекрыть ротонду диаметром более 20 м (илл. 16). Поскольку Храм Гроба Господня имел общемировое значение, мы вправе полагать, что именно эта замена могла стать каноническим и технологическим примером для замены каменных куполов деревянными шатрами в домонгольской Руси.

⁸ Тверская летопись сообщает: «В лето 6557. Месяца марта в 4, в день суботный, сторе церкви святая София в Новегороде; баше же честно устроена и украшена, 13 верхов имуща, а стояла конец Пискупле улице над Волховом, идеже ныне постави Стокмо церковь камену святого Бориса и Глеба» (Рогожский летописец. Тверской сборник) [ПСРЛ 15:150]. Летопись Авраамки: «В лето 6506. В Новегороде владыка Аким уряди себе монастырь Десятинный, а святую Софею заложил дубову конец Пискупли улицы, над Волховом, и сверши ю о двунатцати версех» (Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки) [ПСРЛ 16:40].

⁹ Подробное обоснование обязательности купола в каменном церковном зодчестве см.: Загравский 2012, раздел 3.

Илл. 16. Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Рисунок XVII века.
Источник: Bernardino Amico da Gallipoli. *Trattato delle Piantе e Immagini
de Sacre Edifizi di Terra Santa*. Firenze, Pietro Cecconcelli, 1620

Приведённая нами совокупность аргументов доказывает, что в Древней Руси деревянные шатровые храмы появились существенно ранее каменных и возводились в большом количестве, вероятно, даже в домонгольское время.

В связи с этим мы можем выдвинуть гипотезу относительно происхождения и древнерусского деревянного шатрового зодчества. Когда после Крещения Руси началось массовое строительство христианских храмов, то ориентироваться на каноническую византийскую архитектуру должны были не только в камне, но и в дереве: задачей мастеров деревянных дел было по возможности показать, что храм – православный, а не какой-либо иной. (Подчеркнём – по возможности, так как при отсутствии квалифицированных плотницких кадров строились простейшие клетские церкви). Купол над деревянным храмом, как мы уже говорили, возвести было сложно по технологическим причинам, и возведение вместо купола в целом близкого ему по форме и «устремлённости вверх» шатра подходило для решения этой задачи лучше всего (не зря именно такая замена была осуществлена в IX веке в Храме Гроба Господня в Иерусалиме). И даже если в шатровом деревянном храме в целях его утепления между наосом и шатром возводился глухой плоский потолок, всё равно хотя бы по внешним формам было видно, что храм – православный.

Таким образом, мы полагаем, что деревянный шатёр являлся «упрощённой формой» канонически обусловленного и обязательного в каменном православном церковном зодчестве купола [Комеч 1987, 120] в течение всей истории древнерусской архитектуры, начиная с X века¹⁰.

Теперь, показав широкое распространение, каноническую и конструктивную обусловленность шатра в деревянной архитектуре ранее начала XVI века, мы можем перейти к доказательству того, что первый шатровый каменный храм произошёл от деревянного шатрового зодчества, а не от каких-либо готических, романских, восточных и любых иных зарубежных истоков.

Во-первых, «Летописец вкратце Русской земли» (XVI век) под 1532 годом говорит: «Князь великий Василей постави церковь камену Взнесение господа нашего Исуса Христа вверх на деревяное дело» [Тихомиров 1941, 88]. Это сообщение проводит прямую параллель между церковью Вознесения в Коломенском (пусть не первым, но одним из первых каменных шатровых храмов) и деревянным зодчеством: формулировка «вверх на деревяное дело» означает именно «высокий храм, построенный в формах деревянного зодчества», и это подтверждается схожими по смыслу древнерусскими текстами¹¹.

Во-вторых, весьма вероятно, что на Руси существовали прецеденты влияния форм деревянного зодчества на каменное. Так, Н. Н. Воронин писал о Софии Киевской: «В величественном ритме пирамидально нарастающих масс собора и в его характерном тринадцатиглавии, отличающих его от меньших по размерам византийских образцов, можно усматривать результат воздействия на строителей

¹⁰ В. В. Кавельмахер писал: «Что касается шатра, то он – ничто. Случайность в архитектуре. Он только заменяет купол, перекрывающий наос» (письмо к Т. П. Тимофеевой). Мы доказательно подтвердили эти слова исследователя, с той лишь существенной оговоркой, что эта замена в деревянном зодчестве была не случайностью, а конструктивно и канонически обусловленным феноменом. А поскольку шатёр в деревянном зодчестве был многогранным (это обусловлено основой его конструкции – брёвнами, образующими каркас), то вполне логично, что многогранность приобрели и барабаны. Число граней в огромном большинстве случаев равнялось восьми (по всей видимости, это количество оптимально и для осуществления перехода к шатру от четверика, и для максимальной устойчивости конструкции). Таким образом, мы видим источник формы «восьмерик на четверике», массово реализованной и в камне, и в дереве.

¹¹ А. Л. Баталов проанализировал это летописное сообщение [Баталов 2009 а, 57–58] и, в частности, отметил: «В более поздний период выражение “на каменное дело” означало повторение форм каменного зодчества. Так, в Палеостровском монастыре в Карелии в 1628 г. упоминается церковь Николы Чудотворца, “древяна, клетцки, с трапезою, верх на каменное дело”». При этом исследователь отрицал аналогичное значение термина «на деревянное дело» в более раннее время, но пример 1628 года в совокупности с самим сообщением 1532 года, тем не менее, выглядит убедительным.

киевского храма принципов деревянного зодчества» [Воронин 1953, 132]. Г. Я. Мокеев полагал, что на облик Софии Киевской могло повлиять многоглавие предшествовавшего ей деревянного храма [Мокеев 2012], С. Ю. Попов – многоглавие дубовой Софии Новгородской¹².

В-третьих, в Древней Руси со времён прекращения в середине XII века прямого копирования византийских образцов специфика ктиторских заказов, даваемых приглашённым иностранным архитекторам, состояла в том, что ставилась задача постройки не итальянских, немецких или английских храмов, а именно *русских*. Иными словами, от архитекторов всегда требовалась работа в русле уже сложившихся на тот момент традиций русской архитектуры – при том, что они были вольны вносить принципы и элементы того или иного стиля, принятого в стране их происхождения.

Из этого общего правила мы не знаем никаких исключений. Так, строительство в «западноевропейском» материале – белом камне – в домонгольской Суздальской земле велось, в том числе, и мастерами от Фридриха Барбароссы, в византийских (к тому времени уже традиционных для Древней Руси) крестово-купольных формах, хотя и с привнесением ряда романских элементов декора и общей «высотности» [см.: Заграевский 2002]. Строительство столпообразных храмов «под колоколы» (вероятно, первым из них был октагональный храм Иоанна Лествичника 1329 года [см.: Кавельмахер, Панова 1995]) было подготовлено четырёхстолпными храмами с повышенными подпружными арками и храмами с угловыми пристенными опорами [см.: Заграевский 2003]. Церкви с крещатыми сводами стали логичным развитием четырёхстолпных храмов [см.: Заграевский 2008 а]. Октагональный собор Петра Митрополита (1514–1518 годы) – продолжение традиции столпообразных храмов «под колоколы», хотя и лишённый функции колокольни. Успенский собор в Москве (1475–1479), внутреннее пространство которого решено в духе готических «зальных церквей», и лишённая алтарных апсид Троицкая церковь в Чашникове (XVI век) по общему архитектурному типу являются классическими крестово-купольными храмами.

Словом, из «мэйнстрима» древнерусской архитектуры не выпадает ни один храм, в том числе и построенный приглашённым иностранным архитектором [см.: Заграевский 2012]. Это ещё раз подтверждает приведённый нами в начале статьи принцип: если рассматриваемая архитектурная форма подготовлена всей историей

¹² См. Форум сайта www.sobory.ru (<http://sobory.ru/forum3/viewtopic.php?f=5&t=6303&start=150>).

становления отечественного зодчества, то её отечественные истоки и аналоги в плане научной обоснованности имеют приоритет над зарубежными.

В-четвёртых, логичность и закономерность происхождения древнерусского каменного шатра от деревянного мы можем показать, реконструировав конкретные обстоятельства его появления в начале XVI века.

Мы не будем забывать, что авторство Алевиза Нового в отношении церкви Троицы в Александровской слободе, как и авторство Петрока Малого в отношении церкви Вознесения в Коломенском, является очень вероятным, но не абсолютно доказанным фактом [см.: Заграевский 2008 б, 39–47]. И всё же мы будем реконструировать путь творческого поиска зодчего, построившего первый каменный древнерусский шатровый храм – церковь Троицы, исходя из того, что им был Алевиз Новый.

Выше мы показывали, что от приглашённых иностранных архитекторов всегда требовалась работа в русле уже сложившихся на тот момент традиций русской архитектуры. Следовательно, Алевиз Новый получил от великого князя Василия III задание построить дворцово-храмовый комплекс в Александровской слободе в «национальном» стиле – естественно, в меру понимания и восприятия этого стиля известным европейским зодчим. Ни в Европе, ни где-либо ещё в мире не было таких зданий, как первые храмы Слободы, – значит, Алевиз мог взять за образец только архитектуру, окружавшую его на Руси. Точно так же в своё время Аристотель Фиораванти взял за образец Успенский собор во Владимире, а Алевиз, в свою очередь, принял в качестве образца для своего Архангельского собора Успенский собор Фиораванти.

Следовательно, Алевиз Новый строил свои храмы на Руси так, как понимал русскую архитектуру, и применял те общие объёмно-композиционные и декоративные решения, которые видел вокруг себя, – при этом не отказываясь от собственного творческого поиска и от тех приёмов Ренессанса, которые были у него, как говорится, «в крови».

В связи с этим мы вправе полагать, что возведённый Алевизом каменный шатёр над наосом храма Троицы в Александровской слободе был построен под впечатлением общей высотности и «стрельчатости» русских церквей, прежде всего деревянных шатровых. Последние благодаря их большому количеству формировали общий облик древнерусского храмового зодчества не в меньшей (если не в большей) степени, чем немногочисленные каменные храмы, тем более что строительство шло не в «белокаменной» Москве, а в про-

винции – Александровской слободе. Так, В. В. Кавельмахер писал о «древodelьных» мотивах в архитектуре церкви Троицы: «Среди церквей Слободы только церковь Троицы не имеет каменных папертей, так как изначально была обстроена деревянными хорами... О назначении Троицкой церкви служить центром жилой, деревянной, интимной части дворца свидетельствует также её упрощённая, “прямоблочная”, “на деревянное дело” архитектура, в частности, такие её формы, как утрированные полицы шатра, карниз без архитрава и фриза, отсутствие капителей у лопаток, “придел-прируб” и щипцовые порталы» [Кавельмахер 1995, 29].

Таким образом, мы показали, что переход в начале XVI века к строительству на Руси каменных шатров произошёл под влиянием многочисленных деревянных образцов.

В исследованиях 2000-х годов, посвящённых происхождению древнерусского каменного шатрового зодчества [Заграевский 2007; Заграевский 2008 б], наша позиция заключалась в том, что оно произошло только от деревянной архитектуры. Но в каменной храмовой архитектуре ранее начала XVI века превалировала традиционная византийская крестово-купольная система, и первые каменные шатровые храмы могли бы быть сочтены Русской православной церковью «неканоническими», если бы не каменные бесстолпные купольные церкви, которые, хотя и в небольшом количестве, но строились на протяжении всей предыдущей истории древнерусской архитектуры¹³. Нам известны, например, следующие храмы:

- церковь св. Василия во Владимире-Волынском, XIII век (многолепестковый план, илл. 17);
- несохранившиеся храмы в Галицкой земле: церковь неизвестного посвящения, т. н. «Полигон», вторая половина XII века (тетраконх); церковь неизвестного посвящения в селе Побережье близ Галича, вторая половина XII века (тетраконх); церковь Ильи пророка в Галиче, вторая половина XII века (ротонда с двумя при-
мыкающими объёмами, возможно, с башней);
- московские церкви-колокольни Иоанна Лествичника 1329 и 1505–1508 годов, новгородская «часозвоня» 1443 года, первый «Хутын-
ский столп» 1445 года.

А поскольку шатёр являлся прямым аналогом купола, то серьёзные возражения у Русской православной церкви против строительства каменных шатровых храмов вряд ли могли возникнуть, так как уже существовали прецеденты отхода от крестово-купольной системы – купольные храмы.

¹³ Впервые эту идею автор высказывал в труде: Заграевский 2012.

Илл. 17. Церковь св. Василия во Владимире-Волынском

В связи с этим важно отметить, что если мы и вправе говорить о каких либо внешних истоках шатрового зодчества, то лишь о сочетании византийских и романских: именно к этим образцам (например, церкви Сергия и Вакха в Константинополе и Сан-Витале в Равенне; можно вспомнить и капеллу Карла Великого в Аахене) восходили древнерусские купольные храмы XII–XV веков. Деревянный шатёр над ротондой Храма Гроба Господня в Иерусалиме, который мог повлиять на появление шатра в древнерусском деревянном зодчестве, тоже появился во времена романики. Но эти византийско-романские влияния являются опосредованными и дистанцированными.

И главным выводом из данной статьи является следующий: древнерусское каменное шатровое зодчество стало органичным продолжением предшествовавшей ему отечественной архитектурной традиции. А эта традиция включала и шатровое деревянное зодчество, и каменные купольные храмы, и широчайший набор связей с мировой архитектурой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баталов 2009 а – Баталов А. Л. О происхождении шатра в русском каменном зодчестве XVI в. // Древнерусское искусство: Идея и образ. Опыт изучения византийского и древнерусского искусства. Москва, 2009. С. 55–74.
- Баталов 2009 б – Баталов А. Л. Ещё раз о происхождении шатра в русской архитектуре // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. Москва, 2009. С. 158–196.
- Вагнер 1995 – Вагнер Г. К. О своеобразии стилиобразования в архитектуре Древней Руси (возвращение к проблеме) // Архитектурное наследство. Вып. 38. Москва, 1995. С. 22–38.
- Воронин 1953 – Воронин Н. Н. Зодчество Киевской Руси // История русского искусства. Том 1. Москва, 1953. С. 111–154.
- Воронин, Лазарев 1955 – Воронин Н. Н., Лазарев В. Н. Искусство среднерусских княжеств XIII–XV веков // История русского искусства. Том 3. Москва, 1955. С. 7–42.
- Губер 1966 – Всеобщая история архитектуры. Том 4: Архитектура Западной Европы. Средние века / Под ред. А. А. Губера. Москва, 1966.
- Денике 1923 – Денике Б. П. Искусство Востока. Очерк истории мусульманского искусства. Москва, 1923.
- Денике 1927 – Денике Б. П. Искусство Средней Азии. Москва, 1927.
- Заграевский 2002 – Заграевский С. В. Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. Москва, 2002.
- Заграевский 2003 – Заграевский С. В. Зодчество Северо-Восточной Руси конца XIII – первой трети XIV века. Москва, 2003.
- Заграевский 2005 – Заграевский С. В. К вопросу о датировке и авторстве памятников Александровской слободы // Зубовские чтения. Вып. 3. Струнино, 2005. С. 69–96.
- Заграевский 2007 – Заграевский С. В. Первый каменный шатровый храм и происхождение шатрового зодчества. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusarch.ru/zagraevsky19.htm> (дата обращения: 01.07 2017).
- Заграевский 2008 а – Заграевский С. В. Архитектурная история церкви Трифона в Напрудном и происхождение крещатого свода. Москва, 2008.
- Заграевский 2008 б – Заграевский С. В. Новые исследования памятников архитектуры Александровской слободы. Москва, 2008.
- Заграевский 2008 в – Заграевский С. В. Формы глав (купольных покрытий) древнерусских храмов. Москва, 2008.

- Заграевский 2012 – *Заграевский С. В.* Типологическое формирование и базовая классификация древнерусского церковного зодчества. Москва, 2012.
- Заграевский 2014 – *Заграевский С. В.* Троицкая, ныне Покровская, церковь в Александровской Слободе – первый каменный шатровый храм Древней Руси. Новые исследования. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusarch.ru/zagraevsky41.htm> (дата обращения: 01.07 2017).
- Ильин 1980 – *Ильин М. А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. Москва, 1980.
- Ильин и др. 1955 – *Ильин М. А., Максимов П. Н., Косточкин В. В.* Каменное зодчество эпохи расцвета Москвы // История русского искусства. Том 3. Москва, 1955. С. 282–481.
- Кавельмахер 1995 – *Кавельмахер В. В.* Памятники архитектуры древней Александровской Слободы. Владимир, 1995.
- Кавельмахер 2008 – *Кавельмахер В. В.* Древности Александровской Слободы. Москва, 2008.
- Кавельмахер, Панова 1995 – *Кавельмахер В. В., Панова Т. Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского кремля // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. Москва, 1995. С. 66–83.
- Комеч 1987 – *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. Москва, 1987.
- Максимов 1968 – Всеобщая история архитектуры. Том 6: Архитектура России, Украины и Белоруссии. XIV – первая половина XIX вв. / Под ред. П. Н. Максимова. Москва, 1968.
- Максимов, Воронин 1955 – *Максимов П. Н., Воронин Н. Н.* Деревянное зодчество XIII–XVI веков // История русского искусства. Том 3. Москва, 1955. С. 245–281.
- Мокеев 2012 – *Мокеев Г. Я.* Три Софии. О начале распространения на Руси храмового многоглавия. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusarch.ru/mokeev6.htm>.
- Подъяпольский 1983 – *Подъяпольский С. С.* Архитектор Петрок Малой // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Стил, атрибуции, датировки. Москва, 1983. С. 34–50.
- Подъяпольский 1985 – *Подъяпольский С. С.* К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. Москва, 1985. С. 24–51.

- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- Раппопорт 1993 – *Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура.* Санкт-Петербург, 1993.
- Тихомиров 1941 – *Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. Том 10. Москва, 1941. С. 84–94.*
- Уткин 1998 – *Уткин Н. Н. Церковные древности Унского посада // Экология культуры. Информационный бюллетень. № 1 (4). Архангельск, 1998. С. 68–74.*
- Худяков 1923 – *Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.*
- Jeffery 1919 – *Jeffery George. A brief description of the Holy Sepulchre, Jerusalem, and other Christian churches in the Holy City, with some account of the mediaeval copies of the Holy Sepulchre surviving in Europe. Cambridge, 1919.*

Материал поступил в редакцию 05.07.2017